

УДК 141.2

DOI: 10.25206/2542-0488-2018-2-78-82

Е. В. ПАСТУХОВА¹

Е. А. ЦВЕТУХИНА²

¹Омский государственный педагогический университет, г. Омск

²Омский государственный технический университет, г. Омск

К ВОПРОСУ О ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: КОММУНИКАТОР, ИНТЕРПРЕТАТОР ИЛИ АВТОР?

В культуре постмодерна текст получает статус «субъекта», а языковая личность становится средством осуществления нарратива в заданном дискурсе и в этом качестве распадается на три типа: коммуникатор, интерпретатор, творец. В итоге авторы статьи приходят к выводу, что аутентичной языковой личностью — активным субъектом коммуникации — является личность-творец, реализующий в творчестве свою самость.

Ключевые слова: нарратив, дискурс, коммуникатор, интерпретатор, творец.

Мир постмодерна предлагает нам рассматривать современное коммуникативное пространство как совокупность множественных и разнородных текстов. Поэтому в современной науке параллельно с *языковой личностью*, осуществляющей коммуникацию посредством создания и восприятия текста (заложенного в нем определенного смысла), психолингвистами, нейрофизиологами и философами исследуется *личность дискурсивная*, испытывавшая на себе влияние современной культуры, объективированной в потоке различных нарративов и ставшая в результате трансформации ее символом. Кросс-дисциплинарность современной науки, подкрепляемая теоретическими изысканиями психолингвистов, нейрофизиологов и философов, фиксирует именно такую пребывающую в процессе становления дискурсивную языковую личность в качестве наиболее ценного и актуального для исследования объектом. В этой связи нам важно проследить, как именно меняется субъективность языковой личности в условиях перманентной коммуникативной революции мира постмодерна, когда структура каждого нарратива постоянно преобразуется и модифицируется.

Постструктуралисты хорошо описали в своих трудах эти изменения, произошедшие в современной культуре последних пятидесяти лет. Прежние классические тексты мира модерна таили в себе

авторские смыслы (чаще всего нравственного содержания), а языковая личность выступала простым объектом воздействия созданного автором текста и заключенного в нем смысла. Мир постмодерна, пропитанный либеральными ценностями и перевознощий индивидуальное во всех его проявлениях, создает принципиально иной тип текста, в котором определенное значение, вложенное в этот текст автором, растворяется и исчезает во множестве индивидуальных неавторских смыслов. Впитав в себя влияние либерализма, текст мира постмодерна заявил о своей независимости и самодостаточности. Он — более не средство для реализации чьих-либо авторских целей. Теперь он — самостоятельный конструкт, проектирующий свое собственное нарративное развитие, основанное на цикличной самовоспроизводимости. В этом контексте современные исследователи отмечают заслуги А. Данто в линейно-лингвистическом анализе описываемого нами явления: «Опираясь на свой анализ «нарративных предложений» как основы любого повествования, наиболее общая особенность которых состоит в том, что они содержат ссылку, по крайней мере, на два разделенных во времени события, хотя описывают более раннее из этих событий, Данто подчеркивает, что начало, как оно указывается в экспланандуме, представляет собой, таким образом, состояние некоторого «х», или объекта изменения,

до того, как «х» перешло в его нынешнее состояние» [1, с. 103].

Такая переоценка ценностей приводит к удивительным последствиям. В этих новых социокультурных обстоятельствах меняется роль языковой личности. «Одушевленный» смыслами текст теперь не средство, он сам — «субъект». Нарратив становится целью и способом, с помощью которого этот «субъект» осуществляет себя. Сама же языковая личность становится средством реализации подобного нарратива в определенном заданном дискурсе и в этом качестве она, зажатая между заданным эпохой дискурсом и формируемым текстом нарративом, распадается на три принципиально разных типа: коммуникатор, интерпретатор, творец. Прежде чем кратко охарактеризовать эти новые типы языковой личности, следует отметить, что всякий, вступающий в коммуникативные отношения и передающий информацию посредством языка, может быть назван языковой личностью. Но, тем не менее, не всякую языковую личность можно назвать подлинным субъектом этой коммуникации.

Личность-коммуникатор. Современный человек всё чаще трактуется как потребитель (*homo consumericus*). Продукты своего потребления он находит в коммуникации или посредством коммуникации. Теперь именно коммуникация конституирует единый мир, общее социокультурное пространство человека, его непосредственную среду. Развитие коммуникации, совершенствование техники является оборотной стороной процесса разрушения, деградации человека как творца. В мире постмодерна бытует замечательная метафора — «тело без органов», за которой стоит понимание личности в признании за ней свободы для потенциального самовыражения, не обусловленного никакими заданными извне программами: «Полное тело без органов — это само непроизводительное, стерильное, непорожденное, непотребляемое» [2, с. 22]. Коммуникатор же служит телом нарратива, его материальным носителем. Через фигуру коммуникатора нарратив получает воплощение, когда использует коммуникатора в качестве тела. Тело коммуникатора в этом случае формируется нарративом. Следуя этой метафоре, предложенной Ж. Делёзом, нам и следует рассматривать нарратив как то внутреннее содержание личности, его «органы», которые задают и определяют само его существование. Коммуникация в этом случае носит чисто номинальный характер. Коммуникация (как целенаправленная передача информации) становится симулякр, поскольку коммуникаторы, находящиеся под властью нарратива, никакой новой информации не создают; они лишь транслируют нарратив от тела к телу. Такой вид взаимодействия Ж. Делёз назвал коннективным, когда машина¹ осуществляет функцию выборки и производит продукт лишь благодаря тому, что она имеет смежный срез с другой машиной, тоже включенной в общий информационный поток: «...короче говоря, каждая машина является срезом потока по отношению к той машине, которая присоединена к ней. Таков закон производства производства» [2, с. 63].

Изнутри коммуникатор сформирован нарративом, в то время как извне он зафиксирован дискурсом, в который он своими коннективными взаимодействиями с другими коммуникаторами ничего не привносит. Коммуникаторы, как таковые, здесь полностью растворяются в дискурсе. Дискурс их «пожирает». Действия коммуникатора опосредо-

ваны вещными средствами потребления — одинаковыми или однотипными. Это и есть знаменитая безликая масса, описанная Х. Ортега-и-Гассетом в «Восстании масс». Фигура субъекта в лице человека проявляет здесь минимальную активность в плане творчества чего-либо нового для общества и человечества. Это — чистый потребитель, который использует в интересах своей деятельности то, что уже создано другими. Он не способен создавать что-то новое не только для человечества в целом, но даже новое для себя самого. Каждый коммуникатор здесь есть лишь чистая функция и нарратив манипулирует этим коммуникатором. Включенный в коммуникацию потребитель, сам того не осознавая, говорит и делает то, что ему предписано. Он живет представлениями и мыслями, созданными в его сознании только в процессе коннективного взаимодействия с другими коммуникаторами. В своей деятельности он оперирует лишь уже созданными материальными или идеальными образами. Коммуникатор как класс явлений есть результат преобразовывающегося в современном обществе процесса производства информации в процессы коннективного взаимодействия: «Человек в этом случае пытается подходить к себе так, словно он некий посторонний предмет, который требовалось бы обнаружить, исследовать, наблюдать и описать» [3, с. 48].

Возвращаясь же теперь к вопросу субъективности языковой личности-коммуникатора, мы видим, что нарратив как механизм коммуникации — это внешняя, овеществленная субъективность, это — субъективность без субъекта. Субъект есть нечто активное, но коннективное взаимодействие между коммуникаторами строится по правилам, которым активный субъект не способен подчиняться. Таким образом, современное культурное и информационное пространство создает «коммуникаторов-машин», которых в строгом смысле неверно было бы определять ни как личностей, ни как субъектов коммуникации, поскольку они обусловлены нарративом и дискурсом, авторами которых они не являются, что очевидным образом демонстрирует нам отсутствие в их деятельности какой-либо свободы и самоопределения.

Личность-интерпретатор. Вторым, более зрелым, чем коммуникатор, типом языковой личности является интерпретатор. Он способен, обращаясь к образам, созданным в процессе наррации, что-то противопоставлять им, давать свою собственную интерпретацию, определенным образом комментировать ситуацию. Это — критик, или посредник между автором и потребителем. Только с его помощью коммуникатор может воспринимать то, что создается автором-творцом. Интерпретатор в какой-то степени выполняет роль своеобразного дилера, распространителя идей автора, он не пассивен как потребитель, но его активность проявляется только в толковании готовых мыслей автора. Он дает им свою собственную оценку; и в некотором смысле его даже можно назвать соавтором произведенного текста. Однако ключевая проблема современного общества заключается в том, что человек все реже становится творцом чего-то нового и все чаще интерпретатором уже существующего. На это его провоцирует объем и средства информации, циркулирующие в современном коммуникативном пространстве. Поэтому один из узловых вопросов современной науки заключается в том, чтобы выяснить, как именно интерпретация помо-

гает языковой личности понимать ее собственную роль в бытии текста.

Если взаимодействие коммуникаторов носит коннективный характер: при их коммуникативном соединении происходит трансляция нарратива от тела к телу, коммуникация интерпретаторов носит иной — конъюктивный характер: они коллекционируют возможные смыслы нарратива, придают существующим фрагментам и остаткам текста жизнь путем интерпретации его отдельных частей. Как замечает в этой связи сам Ж. Делёз: «Мы живем в эпоху частичных объектов, кирпичиков и остатков. Мы больше не верим в те фальшивые фрагменты, подобные обломкам античной статуи, которые ожидают, что их восполнят и склеят, чтобы сформировать единство, которое является также изначальным единством. Мы больше не верим ни в изначальное единство, ни в конечное единство. Мы больше не верим в монотонные изображения блеклой диалектики постепенного развития, которая намеривается примирить осколки, поскольку она сглаживает их края. Мы верим лишь в такие целостности, которые существуют наравне с частями» [2, с. 72]. В этой цитате под античной статуей Ж. Делёз прячет традиционную культуру и ее продукты, одним из которых, безусловно, является текст-произведение. В мире же постмодерна текст-произведение не может надеяться на то, чтобы быть понятым, сохранив тем самым свою изначальную авторскую смысловую целостность. Тексты здесь растаскиваются на фрагменты, компилируются, каждый из которых становится самостоятельным конструктом.

Возвращаясь теперь к вопросу о субъективном начале языковой личности, относительно фигуры интерпретатора можно утверждать следующее: интерпретатор, хотя и создает пространство для реализации новых смыслов разрозненных частей текста, благодаря чему, собственно, структура нарратива преобразуется, и модифицируется, он, тем не менее, пребывает в строго очерченных нарративом границах. Не говоря уже о том, что зачастую интерпретатор оказывается слугой дискурса, и в этой своей роли призван заполнять идеологический и смысловой вакуум пустого потребителя. Конечно, в этой ситуации ни о творчестве, ни о самоопределении говорить не приходится.

Личность-творец (вторичная языковая личность). Подобная личность — это генератор и автор идей, вырабатывающий нечто новое. Причем такая личность способна создавать нечто радикальное в своей новизне, резко контрастирующее со всем тем, что ее окружает. Это — подлинный субъект в собственном смысле этого слова. Это — творец и создатель, в отличие от комментатора или потребителя, поскольку «одно дело — изобретатель системы, другое — ее комментатор и последователь» [4, с. 485]. Творчество является атрибутивной характеристикой субъективности: «Творчество есть активное взаимодействие субъекта с объектом, в ходе которого субъект целенаправленно изменяет окружающий мир, создает новое, социально значимое в соответствии с требованиями объективных закономерностей» [5, с. 8]. При этом сам автор — это всегда загадка. Это — тот, у кого своего собственного, внутреннего больше, чем того, что он способен получить извне благодаря коммуникации. Когнитивная активность автора доминирует над его активностью коммуникативной. Поэтому такой субъект вполне автаркичен и обособлено двигает-

ся по собственной траектории, уходя от линейности, предзаданности и однозначности окружающей его массы. Подобная обособленность предполагает разрушение коннективного и конъюктивного взаимодействия с коммуникаторами. «Тело» субъекта здесь должно быть заключено в некий «кокон». Не случайно великие ученые и гении одиноки. Они не служат телом нарратива и не поддерживают дискурс, автором которого не являются. Они создают свой собственный авторский дискурс и вырабатывают иммунитет к любым репрессивным и цензурным формам дискурса.

Субъект является автором только в момент творчества, в процессе создания своего творения. Как только процесс творения завершен и появляется его результат, автор перестает быть активным, объект начинает существовать отдельно от него, и субъект-творец в коннективном и конъюктивном взаимодействии превращается в интерпретатора или коммуникатора, потребителя своего объекта, то есть он умирает как автор. Происходит отчуждение создателя от его творения. Именно об этом и пытается нам сказать Р. Барт в своем признании «смерти автора». В подобной ситуации и находит свое выражение бесконечная самопорождающая смыслы структура, когда, согласно Р. Барту, автор лишается отцовской власти над своим произведением [4, с. 462–518]. Лишившейся своего автора и попавший в водоворот дискурсов текст не имеет принципиальной направленности и определенного смысла — он лишь становится очередной гиперссылкой в ряду множества других. Именно поэтому отношения автора и текста Р. Барт описывает в терминах «неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, черно-белый лабиринт, где исчезает всякая самотождественность и, в первую очередь, телесная тождественность пишущего» [5, с. 384]. Однако, в отличие от коммуникатора и интерпретатора, фатальным образом заключенных в рамки нарратива и подчиненных репрессивной власти дискурса, творец в лице автора оказывается способен вырваться из отчуждения и несвободы, преодолеть в себе первичную языковую личность, без остатка поглощаемую нарративом и дискурсом, становясь тем самым вторичной языковой личностью, которая сама себя проектирует в нарративе и сама создает собственный дискурс.

Но возможно ли в современном коммуникативном пространстве избежать «смерти автора»? Или, если быть честными перед самими с собой, возможно ли нам избежать собственной смерти как творца? Каким образом и благодаря каким силам автор все же способен сохранить свою подлинную креативную природу, избежать своего падения в миры интерпретатора и коммуникатора? На наш взгляд, такая креативность представляет собой область неопределенности, неоднородности и уклончивости, особой природы, которая не может быть сформирована извне, а проистекает из глубин самого человека.

Самость как основание проекта вторичной языковой личности. Начиная с 1933 года в Швейцарии в рамках кружка «Эранос» (*Éranos*) собиралась группа ученых и исследователей, которая ставила перед собой цель разрабатывать и развивать проект человека, альтернативный дискурсу рациональности. Именно представители этого кружка разработали основы социологии глубин, активно оперирующей введенным Ж. Дюраном понятием *l'imaginaire*, или

имажинэр — первичным свойством сознания, представляющим собой одновременно субъект (воображающее), объект (воображаемое) воображения и сам процесс (воображение). Проект Ж. Дюрана, таким образом, заключался в том, чтобы зафиксировать состояние чистого сознания субъекта в качестве «тела без органов» как абсолютно замкнутой системы, устойчивой к любому влиянию извне со стороны нарратива и дискурса.

Вполне очевидно, что самость, как таковая, являясь ядром автора и творца, не может выявить себя в коммуникации в веренице постоянных смен социальных ролей, в которых человек представлен как функция, производная от статуса, профессии, популярности, успешности и т.д.

Самость предстает как некая сокрытая, спящая и таящая себя от Сущего сила. Поэтому в личности-коммуникаторе и личности-интерпретаторе она себя не являет.

Совершая редукцию многообразия форм власти нарратива и дискурса, выраженных в социальных ролях, традициях, авторитетах, гендерных стереотипах, идеологиях, трендах, тенденциях моды и т.д., очищая «тело» субъекта от этих чуждых ему «органов», языковая личность погружается в глубину своей подлинной самости. Если воспользоваться метким определением А. В. Ямпольской, происходит процесс рекурсии: «Хотя объективный мир был вынесен за скобки редукцией, Я продолжает быть аффицированным — уже не извне, но изнутри, своей собственной интенциональной жизнью, и в первую очередь — временем, плотью, эмоциями» [6, с. 87]. Иными словами, стоит языковой личности ограничить свою коммуникативную и интерпретационную деятельность, как самость прорывается, реализует себя и оформляется в собственный нарратив, открывая пути к безграничному творчеству. При этом всякий текст, создаваемый личностью-творцом будет являть смыслы интенциональной жизни самого творца. Такая посылка может принести к колоссальным результатам относительно самоопределения самого творца: «Универсальный характер этой предпосылки получает обескураживающее подтверждение в том факте, что она относится не только к бытию Другого, но и к любому возможному бытию вообще, включая бытие самого его, как-им, например, оно проявляется в опыте Другого» [7, с. 129].

Таким образом, вторичная языковая личность фиксируясь через объективированную в ее творчестве самость, требует для себя новых нерепрессивных форм дискурса. И такой новый открытый для личности-творца дискурс может быть порожден только подлинной свободой. Подлинный дискурс свободы недетерминируем, он аккумулирует когнитивную мощь субъекта, отвечающую за его самопроектирование. Именно это и есть дискурс развития и творчества, который не встраивается в общую обезличенную систему коммуникации и интерпретации.

Примечания

¹Личность в концепции Ж. Делёза представляет собой машину желания. Синтез психоаналитической концепции желания и марксовской теории общественного производства дает концепцию «желающей машины» как субъекта некоего машинного процесса описания процедур деятельности бессознательного. Производство желания формируется и осуществляется посредством системно организованной совокупности «машин желания», которые репрезентируются в отдельном субъекте, социальной группе и обществе в целом. Таким образом, человек как производящее производство предстает как машина, непрерывно производящая желания, или, просто, машина желания.

Библиографический список

1. Нехаев А. В. Докса в системе дискурса: моногр. Омск: Издатель-Полиграфист, 2006. 365 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с. ISBN 978-5-9757-0192-3.
3. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия / Пер. с нем. А. В. Гараджа, Л. Ю. Фуксон. М.: Канон+, 2017. 432 с. ISBN 978-5-88373-057-2.
4. Барт Р. Удовольствие от текста // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 462–518.
5. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 384–391.
6. Ямпольская А. В. Феноменология в Германии и Франции: проблемы метода. М.: Изд-во РГГУ, 2013. 258 с. ISBN 978-5-7281-1472-7.
7. Мишель А. Материальная феноменология. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 218 с. ISBN 978-5-98712-638-7.

ПАСТУХОВА Елена Валерьевна, кандидат философских наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Иностранные языки» (межфакультетская) Омского государственного педагогического университета. SPIN-код: 6474-6708

AuthorID (РИНЦ): 405111

Адрес для переписки: lyisyakova@mail.ru

ЦВЕТУХИНА Екатерина Андреевна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры «Философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета. SPIN-код: 1590-6067

AuthorID (РИНЦ): 892724

Адрес для переписки: kat.kalach@mail.ru

Для цитирования

Пастухова Е. В., Цветухина Е. А. К вопросу о вторичной языковой личности: коммуникатор, интерпретатор или автор? // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 78–82. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-2-78-82.

Статья поступила в редакцию 23.04.2018 г.

© Е. В. Пастухова, Е. А. Цветухина

¹Omsk State
Pedagogical University,
Omsk, Russia

²Omsk State
Technical University,
Omsk, Russia

TO THE QUESTION OF SECONDARY LINGUISTIC PERSON: COMMUNICATOR, INTERPRETER, OR AUTHOR?

In the Postmodern culture, the text gets the status of a «subject», and the linguistic person becomes a means of implementing narrative in some given discourse and, as such, he breaks down into three types: a communicator, an interpreter, a creator. As a result, the authors come to the conclusion that the authentic linguistic person, who takes a role the active subject of communication, is the person and creator realizing his self in creativity.

Keywords: narrative, discourse, communicator, interpreter, creator.

References

1. Nekhaev A. V. *Doksa v sisteme diskursa* [Doxa in the system of discourse]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist Publ., 2006. 365 p. (In Russ.).
2. Deleuze G., Guattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-oedipus: capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ., 2008. 672 p. ISBN 978-5-9757-0192-3. (In Russ.).
3. Fink E. *Osnovnyye fenomeny chelovecheskogo bytiya* [The basic phenomena of human existence] / Trans. from Germ. A. V. Garadzha, L. Yu. Fukson. Moscow: Kanon+ Publ., 2017. 432 p. ISBN 978-5-88373-057-2. (In Russ.).
4. Barthes R. *Udovol'stviye ot teksta* [The pleasure of the text] // *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika. Selected works: Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress Publ., 1994. P. 462–518. (In Russ.).
5. Barthes R. *Smert' avtora* [The Death of the author] // *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika. Selected works: Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress Publ., 1994. P. 384–391. (In Russ.).
6. Yampolskaya A. V. *Fenomenologiya v Germanii i Frantsii: problemy metoda* [Phenomenology in Germany and France: method problems]. Moscow: RGGU Publ., 2013. 258 p. ISBN 978-5-7281-1472-7. (In Russ.).
7. Michel H. *Material'naya fenomenologiya* [Material Phenomenology]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 218 p. ISBN 978-5-98712-638-7. (In Russ.).

PASTUKHOVA Elena Valer'yevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department, Omsk State Pedagogical University.

SPIN-code: 6474-6708

AuthorID (RSCI): 405111

Address for correspondence: lyisyakova@mail.ru

TSVETUKHINA Ekaterina Andreyevna, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University.

SPIN-code: 1590-6067

AuthorID (RSCI): 892724

Address for correspondence: kat.kalach@mail.ru

For citations

Pastukhova E. V., Tsvetukhina E. A. To the question of secondary linguistic person: communicator, interpreter, or author? // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2018. No. 2. P. 78–82. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-2-78-82.

Received 23 April 2018.

© E. V. Pastukhova, E. A. Tsvetukhina